

МЕССИАНСКИЙ ИДЕАЛ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРЫ МЕЖЗАВЕТНОГО ПЕРИОДА

Антон Викторович Бельшев

магистрант кафедры библеистики
Московской духовной академии
141300, Московская обл., Сергиев Посад,
Свято-Троицкая Сергиева Лавра
antoinebelyshev@gmail.com

Для цитирования: Бельшев А. В. Мессианский идеал Евангелия от Матфея в контексте литературы межзаветного периода // Библейские схолии. 2025. № 2 (11). С. 35–52. DOI: 10.31802/BSCH.2025.11.2.003

Аннотация

УДК 27-247.4 (27-32-12)

Данная статья посвящена мессианскому учению Евангелия от Матфея в контексте литературы периода Второго Храма. Данный период ветхозаветной религии занимал приблизительно промежуток с IV в. до н. э. по I в. н. э. Для богословских произведений, созданных в эту эпоху, характерны надежды на осуществление новой реальности, в которой Бог установит полную справедливость посредством мессианской фигуры. Евангелие от Матфея было ориентировано на еврейскую аудиторию, и поэтому его текст наполнен полемикой с мессианскими представлениями эпохи. С одной стороны, евангелист стремился показать своим читателям, что их ожидания оправдались, с другой — он хотел объяснить, что исполнение надежд произошло неожиданным образом, посредством Боговоплощения. Исследование ветхозаветных псевдоэпиграфов, кумранской литературы и текстов раввинов позволяет составить более объемный взгляд на словесную икону Христа в данном Евангелии.

Ключевые слова: Евангелие от Матфея, Новый Завет, межзаветная литература, мессианизм, Второй Храм, раввинизм, Кумран, Книга Еноха, Третья книга Ездры.

The Messianic Ideal in the Gospel of Matthew in the Context of the Literature of the Inter-Testament Period

Belyshev Anton V.

MA student of the Biblical Studies Department

of the Moscow Theological Academy

Holy Trinity Lavra, Sergiev Posad, Moscow region, 141300, Russia

antoinebelyshev@gmail.com

For citation: Belyshev Anton V. "The Messianic Ideal in the Gospel of Matthew in the Context of the Literature of the Inter-Testament Period". *Biblical scholia*, No 2 (11), 2025, pp. 35–52 (in Russian). DOI: 10.31802/BSCH.2025.11.2.003

Abstract. This article is devoted to the Messianic teaching of the Gospel of Matthew in the context of the literature of the Second Temple period. This period of the Old Testament religion occupied approximately the period from the IV century BC to the I century AD. The theological works created in this era are characterized by hopes for the realization of a new reality in which God will establish full justice through a messianic figure. The Gospel of Matthew was aimed at a Jewish audience, and therefore its text is filled with polemics with Messianic ideas of the era. On the one hand, the evangelist sought to show his readers that their expectations were fulfilled, on the other hand, he wanted to explain that the fulfillment of hopes occurred in an unexpected way, through the Incarnation of God. The study of the Old Testament pseudepigraphs, Qumran literature and rabbinic texts allows us to take a more comprehensive look at the verbal icon of Christ in this Gospel.

Keywords: The Gospel of Matthew, the New Testament, inter-testament literature, Messianism, the Second Temple, Rabbinism, Qumran, the Book of Enoch, the Fourth Book of Ezra.

В «Уставе Общины» читаем: «И они не должны отступать ни от одного из предписаний Закона, поступая со всем упрямством своих сердец, но они будут судимы в соответствии с прежними предписаниями, в которых мужчины общины были наставлены с самого начала, пока не придут Пророк и Мессии Аарона и Израиля»¹. Этот пассаж посвящен двум Мессиям — из царского и священнического рода. Однако здесь необходимо соблюдать осторожность: в более старой версии «Устава Общины» (4QS), по-видимому, отсутствует этот отрывок, и, таким образом, кажется, что концепция двух Мессий может быть более поздним развитием в Кумране (по крайней мере, в том, что касается «Устава»), и датироваться, вероятно, I в. до н. э. В любом случае, это единственный случай употребления слова «Мессия» во множественном числе во всех произведениях из Кумрана, и кумранская литература в остальном не содержит никаких убедительных или недвусмысленных подтверждающих свидетельств в пользу двух разных Мессий².

Конечно, идея двух отдельных мессианских фигур более широко распространена в эпоху Второго храма и не является уникальной для Кумрана, в то время как поразительная особенность третьей эсхатологической фигуры, пророка, также засвидетельствована в еврейской традиции. Ничто из этого, однако, не может подтвердить точку зрения о том, что концепция двух мессий является фундаментальной для кумранской общины, — не в последнюю очередь потому, что существуют различия, а также сходства между тем, что содержится в этих источниках и кумранской литературе³. Тем не менее, этот отрывок из 1QS остается важным текстом, отражающим, по крайней мере, один аспект мессианских ожиданий в Кумране. Он также поднимает важные вопросы, касающиеся взаимоотношений мессианских фигур с другими лидерами еврейской общины — такими, как, например, священники. Этот вопрос уже поднимался в книге пророка Захарии, и впоследствии он повторяется в книге Маккавеев.

Однако вполне возможно, что в некоторых других текстах действительно подразумевается существование двух Мессий. В «Дамасском

1 Тексты Кумрана. Т. 2. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. С. 105.

2 Зубер-Яникум Н. Е. От Кумрана до Новозаветного Канона. Основные этапы формирования мессианско-эсхатологического культа учителя праведности. СПб.: Алетейя, 2004. С. 188.

3 Gartner B. The Temple and the Community in Qumran and the New Testament: A Comparative Study in the Temple Symbolism of the Qumran Texts and the New Testament. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. P. 14.

документе» содержатся следующие свидетельства: «И это правило для сбора в лагерях. Те, кто будут следовать [уставам] в эпоху нечестия, пока не восстанет Мессия Аарона и Израиля»⁴; «И это точное объяснение уставов, [по которым они будут следовать, пока не восстанет Мессия] Аарона и Израиля, и он искупит их беззаконие»⁵; «Они будут спасены во время посещения, но остальные будут преданы мечу, когда придет Мессия Аарона и Израиля»⁶; «Таким образом, все люди, которые заключили новый завет в земле Дамаска, но которые снова восстали и отвернулись от источника живой воды, не будут причислены к собранию его народа и не будут занесены в их летопись со дня ухода Учителя Праведности, пока не восстанет Мессия из рода Аарона и Израиля»⁷. Все четыре этих отрывка из «Дамасского документа» относятся к пришествию Мессии Аарона и Израиля (в трех случаях это явная формула). В отличие от «Устава общины» (1QS), термин «Мессия» здесь употребляется в единственном, а не во множественном числе. Тем не менее, из-за ссылки на Аарона и Израиль, а также в сравнении с особым употреблением в 1QS, утверждалось, что эти фразы в «Дамасском документе» также следует понимать как относящиеся к двум Мессиям, то есть Мессия из рода Аарона и Мессия рода из Израиля⁸. Однако это не самое вероятное значение выражения, которое гармонизирует два разнородных документа. Несмотря на сходство между двумя текстами, существуют также очевидные различия. Вполне вероятно, что «Дамасский документ» должен быть датирован значительно раньше, чем соответствующий отрывок в 1QS. Следовательно, его лучше всего понимать как говорящий об одном Мессии, который представляет священническую линию, превыше всего, но также поставлен над всем народом⁹.

Далее упоминания о Мессии встречаются в дополнении к «Уставу» (1QSa): «Это собрание старейшин, [созываемых] на заседание Совета Общины, когда [Бог] порождает Мессию среди них. [Священник]

4 Тексты Кумрана. Т. 2. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. С. 35.

5 Тексты Кумрана. Т. 2. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. С. 42.

6 Там же. С. 77.

7 Там же. С. 79.

8 Зубер-Яникум Н. Е. От Кумрана до Новозаветного Канона. Основные этапы формирования мессианско-эсхатологического культа учителя праведности. СПб.: Алетейя, 2004. С. 189.

9 *Hogeterp A. L. Expectations of the End: A Comparative Tradition-Historical Study of Eschatological, Apocalyptic and Messianic Ideas in the Dead Sea Scrolls and the New Testament.* Leiden: Brill, 2009. P. 317.

придет во главе всего собрания Израиля со всеми [своими братьями, сыновьями] Аарона, священниками, [призванными] на собрание, людьми известными. И они сядут [перед ним, каждый] по своему достоинству»¹⁰; «И [когда] они соберутся вместе за общим столом, чтобы есть [и пить] молодое вино, и будет накрыт общий стол для еды и молодого вина. Никто не должен [протягивать] свою руку к первым плодам хлеба и вину перед священником; ибо [он] благословит первые плоды хлеба и вина. Он будет первым, кто [прострет] свою руку над хлебом, а затем Мессия Израиля прострет свою руку над хлебом насущным»¹¹. Эти два отрывка фрагментарны и трудны для понимания; наиболее очевидное толкование (особенно для последнего текста) заключается в том, что они касаются одного Мессии (из Израиля), но он вторичен по отношению к Священнику, который имеет преимущество над всеми. Двойная ссылка на Мессию в первом отрывке еще больше затрудняет толкование. Конечно, возможно, что Мессия, упомянутый первым, является синонимом Священника, и в этом случае мы имеем здесь еще одно упоминание о Мессии-священнике, а также о Мессии Израиля. Но этот отрывок не следует понимать таким образом, и здесь также вполне вероятно, что священник — это совершенно отдельная фигура, глава общины, который имеет преимущество перед Мессией¹².

В тексте «Благословений» (4QSB) находится толкование слов из Быт 49:10: «Когда бы ни правил Израиль, [не будет] недостатка в потомке Давида на троне. Ибо посох правителя — это завет царствования, [а колена] Израиля — это ноги, пока не придет Мессия праведности, потомок Давида. Ибо ему и его потомству был дан Завет царствования над его народом на вечные поколения»¹³. Быт 49:10 (Благословение Иакова) — важный мессианский текст, характерный для межзаветного периода, — используется здесь в поддержку линии Давида и мессианской надежды и, косвенно, в осуждение династии Хасмонеев. Образ Давида также встречается в антологии пророчеств (4QFlor / 4Q174) после цитаты из 2Цар 7:11–14: «Вот Отрасль Давида, который будет стоять рядом с Толкователем Закона на Сионе в конце дней, как написано:

10 Тексты Кумрана. Т. 2. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. С. 155.

11 Там же. С. 156.

12 *Hogeterp A. L. Expectations of the End: A Comparative Tradition-Historical Study of Eschatological, Apocalyptic and Messianic Ideas in the Dead Sea Scrolls and the New Testament.* Leiden: Brill, 2009. P. 274.

13 Тексты Кумрана. Т. 2. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. С. 168.

«И Я воздвигну разрушенный дом Давида, того, кто встанет, чтобы спасти Израиль»¹⁴. Здесь снова Отрасль явно обозначает мессианскую фигуру из рода Давида, приносящую божественное правление в последние дни, даже несмотря на то, что термин «Мессия» не встречается. Толкователь Закона также является эсхатологической и, возможно, мессианской фигурой; таким образом, он должен представлять Мессию-священника, хотя он может быть более близок к эсхатологическому пророку, с которым мы уже встречались в «Уставе общины»¹⁵.

Фигура Толкователя Закона также представлена в «Дамасском документе» после цитаты из Амос 5:26–27 : «Книги закона — это скиния царя, как он сказал: «Я воздвигну павшую скинию Давида» (Амос 9:11). Царь — это собрание, а основания статуй — книги пророков, слова которых Израиль презрел. А звезда — это Толкователь Закона, который прибывает в Дамаск, как написано: «Звезда восходит от Иакова, и скипетр восстанет от Израиля» (Числ 24:17). Скипетр — это Князь всего собрания, и когда он появится, он поразит всех детей Сифа»¹⁶. Создается впечатление, что Толкователь Закона так же, как и Князь, специально задуман как мессианская фигура. Связанный текст находим в «Благословениях» (1QSb / 1Q28b): «От имени Учителя благословить Главу Собрания ... и он обновит для него завет собрания, чтобы установить царство своего народа на веки вечные [и праведно судить бедных и] воздавать правосудие [справедливо относиться к угнетенным] по всей земле, и чтобы они безупречно ходили перед Ним по всем путям Божиим... [истине], и утвердить его [святой завет] во время скорби тех, кто ищет Его»¹⁷. Здесь Князю Собрания отводится особая эсхатологическая роль установления Царства, а в следующих строках его роль дополнительно определяется с помощью перефразировок или намеков на Ис 11:4, Числ 24:7 и Быт 49:10. Последние две цитаты, как мы видели, связаны с мессианством в других местах Свитков Мертвого моря, в то время как Ис 11:1–4 не только предполагает мессианское значение в целом, но и является источником для мессианского имени «Отрасль»¹⁸.

Мессианская идея встречается и в других текстах межзаветного периода. Термин «Мессия» упоминается только дважды в тексте первой книги Еноха, оба раза в разделе, который озаглавливают как «Подобия»

14 Тексты Кумрана. Т. 1. М.: Наука, 1971. С. 277.

15 Shanks H. Understanding the Dead Sea Scrolls. New York: Random House, 1992. P. 64.

16 Тексты Кумрана. Т. 2. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. С. 47.

17 Там же. С. 170.

18 Shanks H. Understanding the Dead Sea Scrolls. New York: Random House, 1992. P. 66.

(Ен 37–71). Другая возможная отсылка к мессианству — изображение Белого быка в разделе «Апокалипсис животных» (Ен 85–91). Ен 90:37–38 (как иллюстрация к «Апокалипсису животных», 85–91). Первый отрывок из «Подобий» гласит: «И в день скорби их будет покой на земле, и они падут пред Ним ниц и не поднимутся, и не будет никого, кто взял бы их своими руками и воскресил, ибо они отвергли Господа Духов и его Мессию. Да будет благословенно имя Господа Духов!»¹⁹. Второй: «И он сказал мне: все эти вещи, которые ты видел, служат власти Его Мессии, чтобы он мог быть сильным и могущественным на земле»²⁰. И то, и другое дает много информации, однако едва ли возможно сомневаться в том, что эта специфически мессианская фигура на самом деле должна быть идентична фигуре, которая по-разному обозначается в разделе Ен 37–71, — в частности, как «Избранный», «Сын Человеческий», или «Раб Божий», а в кульминационный момент произведения он отождествляется с самим Енохом²¹. Очевидно, что 37–71 — это составной раздел Книги Еноха, но текст в целом имеет мало смысла, если только все эти обозначения не относятся к одному и тому же образу. На самом деле термин «Мессия» вообще не является центром внимания в первой Книге Еноха: акцент делается на Избранном и, в меньшей степени, на Сыне Человеческом. Тем не менее примечательно, что все эти изначально разные фигуры сливаются воедино, в результате чего появляется Избранный, который является одновременно Сыном Человеческим, Мессией и Служителем²².

В данном случае были заимствованы и трансформированы темы из более ранних частей Книги Еноха, а также темы, написанные за ее пределами, — главным образом, из Книги пророка Исаяи и Книги пророка Даниила. Одним из результатов этой трансформации является то, что мессианская фигура представлена как небесная и предсуществующая. Таким образом, термин Мессия — в той мере, в какой он вовлечен в эту цепочку развития, — не является человеческой фигурой времен Давида, относящейся к современному миру, но принадлежит к Небесному Царству и играет трансцендентную роль²³. Это не исключает

19 Смирнов А., *свящ.* Книга Еноха: Историко-критическое исследование. Казань, 1888. С. 73.

20 Там же. С. 75.

21 Boccaccini G., Stuckenbruck L. T. Enoch and the Synoptic Gospels: Reminiscences, Allusions, Intertextuality. Atlanta: SBL Press, 2016. P. 289.

22 Knibb M. A. Essays on the Book of Enoch and Other Early Jewish Texts. Leiden: Brill, 2008. P. 58.

23 Ibid. P. 59.

возможности того, что эта небесная фигура должна также взять на себя роль земного правителя, но, безусловно, никаких указаний на это нет. В Книге Еноха происхождение Мессии не ограничивается родом Давидовым, и такие термины, как «Слуга» и «Сын Человеческий», приобретают более весомое значение и мессианский оттенок.

В Третьей книге Ездры находятся два использования термина «Мессия»: «Ибо явится Мессия, Сын Мой, вместе с теми, кто с ним, а те, кто останется, будут радоваться четыреста лет. И именно по прошествии этих лет мой сын Мессия умрет, как и все, кто дышит по-человечески» (3Езд 7:28). «А что касается льва, которого вы видели выходящим из леса и рычащим, и говорящим с орлом, и упрекающим его в неправедности, и что касается всех его слов, которые вы слышали, то это Мессия, которого Всевышний сохранил до конца дней того, кто восстанет от семени Давидова, и придет, и будет говорить с ними; он обличит их за их нечестие и порочность, и разоблачит перед ними их презрительные поступки» (3Езд 13:31–32). И далее следуют еще два отрывка, которые почти наверняка относятся к той же мессианской фигуре, хотя в тексте не используется слово «Мессия»: «Я сказал, о владыка Господи, объясни мне это: почему я увидел приближающегося человека из самого сердца моря? Он сказал мне: «Точно так же, как никто не может исследовать или узнать, что находится в морских глубинах, так и никто на земле не может увидеть моего сына или тех, кто с ним, кроме как в светлое время суток» (3Езд 13:51–52). Далее: «Ибо ты будешь взят из среды людей, и отныне ты останешься с моим сыном и с теми, кто подобен тебе, пока не закончатся времена» (3Езд 14:9). Эти отрывки объединяют описание одной фигуры, которую Бог называет сыном. Именование «мой сын» фактически становится мессианским обозначением.

Тем не менее, изображение этой мессианской фигуры и её роли не совсем последовательно во всем. Наиболее поразителен первый отрывок, где Мессия появляется только после того, как новая эра уже вступила в силу, а затем умирает до того, как произойдет Страшный Суд. Эта черта характерна только для данного псевдоэпиграфа²⁴. В главах 11–13, напротив, акцент делается на том, что Мессия обличит врагов Израиля, выносит приговор и приводит к их уничтожению, и, хотя за этой карой следуют Страшный Суд и последняя эпоха, нет никаких намеков на то, что Мессия был изъят из истории на этом этапе.

24 Willett T. W. *Eschatology in the Theodicies of 2 Baruch and 4 Ezra*. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1989. P. 63.

Однако, несмотря на это, следует сказать, что окончательная эсхатологическая роль Мессии описана в этих отрывках, и он не является гарантом оправдания праведных²⁵. Это, конечно, не должно удивлять нас в этом сочинении, направленном против Рима сразу после катастрофы 66–70 годов, и столь же очевидно, почему тексты изображают Мессию не как военную фигуру, а как уничтожающего своих врагов огнем. Как и в первой Книге Еноха, фигуры Мессии и Сына Божия явно отождествляются друг с другом. Образ Мессии развивается в направлении небесной сверхчеловеческой фигуры. Примечательно также, что упоминание о смерти Мессии встречается в единственном отрывке, который не заимствован из традиции. На данном этапе развития традиции совершенно очевидно, что это человеческая фигура, не принадлежащая в первую очередь к небесному миру и не трансцендентная по своему характеру. Если изображение Мессии таким образом является чисто литературным приемом, то это, конечно, могло бы соответствовать пессимистическому взгляду на историю Израиля и недавние катастрофические события; но тот факт, что Мессия умирает, сам по себе не исключает позитивных надежд, возлагаемых на мессианскую фигуру или на религиозный символ²⁶. Действительно, возможно, что первоначальное представление Мессии как небесной, трансцендентной фигуры в Третьей Книге Ездры было более целенаправленной попыткой отвлечь внимание от какой-либо мессианской фигуры или надежды, связанной с ближайшим благополучием Израиля или массовыми последователями. Во всяком случае, в этих других текстах Мессия, безусловно, играет важную, но, в конечном счете, последний Суд вершит Бог.

Мессианская надежда, связанная с потомком Давида, была верой, которую разделяли некоторые раввины. Доказательства этого утверждения можно найти, главным образом, в трактате «Санхедрин» 97а–99а. Этот трактат отражает оживленную дискуссию раввинов, начавшуюся в I в. н. э., об именах Мессии, его природе, времени его пришествия и продолжительности его правления²⁷. Примечательны несколько примеров, которые иллюстрируют использование раввинами титула «Сын Давида» как обозначение Мессии. В трактате «Санхедрин» сообщается, что ученики рабби Йосе бен Кисмы (110 г. н. э.) спросили его: «Когда

25 Ibid. P. 65.

26 Mowinckel S. *He That Cometh: The Messiah Concept in the Old Testament and Later Judaism*. Grand Rapids: Eerdmans, 2005. P. 153.

27 Ibid. P. 154.

придет Мессия?» Он ответил им: «Когда эти ворота упадут, будут восстановлены, снова упадут и снова будут восстановлены, а затем упадут в третий раз, прежде чем они смогут быть восстановлены, придет сын Давида»²⁸. Другой текст, в котором Мессия упоминается как Сын Давида, повествует о следующем: «Рабби Неемия сказал: «В грядущем поколении Мессии наглость возрастет, уважение будет извращено, виноградная лоза принесет свои плоды, но вино будет дорогим, и Царство обратится в ересь, и некому будет упрекнуть их. Это подтверждает слова Р. Исаака, который сказал: «Сын Давидов не придет, пока весь мир не обратится в веру еретиков»²⁹.

Что касается разнообразия материалов, сохранившихся в Талмуде и таргумах, то образ Сына Давидова можно описать лишь в общих чертах. Раввины создали образ Мессии на основе Священного Писания, а также других традиций — таким образом, их изображение Сына Давида похоже на то, которое сохранилось в других иудейских сочинениях межзаветного периода. Некоторые раввины верили, что Мессия, Сын Давида, будет человеческой фигурой, эсхатологическим царем, который явится, чтобы спасти Израиль в конце времен, который уничтожит всех врагов, соберет изгнанников и установит царство мира, богатства и справедливости. Хотя некоторые детали и отличаются от мессианских образов, сохранившихся в кумранских свитках и хотя в раввинской литературе существует несколько образов мессии, ожидания раввинов согласуются с более ранней традицией³⁰.

Пример такой последовательности можно найти в словах свщмч. Ипполита Римского (около 170–235 гг. н. э.), в которых он описывает мессианские надежды евреев конца II века н. э.: «Ибо они говорят, что его потомство произойдет от рода Давидова, но не от девы и Святого Духа, а от женщины и мужчины, согласно правилу, согласно которому все должны быть произведены от семени. И они утверждают, что этот Мессия будет царем над ними, — воинственный и могущественный человек, который, собрав вместе весь народ иудейский и сразившись со всеми народами, восстановит для них Иерусалим, царственный город. И в этом городе Он соберет вместе весь еврейский народ и вернет его к древним обычаям, чтобы он мог выполнять царственные и жреческие

28 Koren Talmud Bavli, Noe Edition. Volume 30. Sandhedrin. Part 2 // ed. A. Steinsaltz; J. Schreier. Jerusalem: Koren Publishers, 2017. P. 322.

29 Ibid. P. 315.

30 Mowinkel S. He That Cometh: The Messiah Concept in the Old Testament and Later Judaism. Grand Rapids: Eerdmans, 2005. P. 162.

функции и жить в безопасности в течение достаточно продолжительных периодов времени. По их мнению, после этого успокоения, после того как они соберутся таким образом, против них в следующий раз начнется война; что в этом конфликте Христос падет от острия меча; и что вскоре за этим последует уничтожение и пожар Вселенной; и что таким образом их мнения о воскресении получили бы завершение, и каждому человеку было бы воздано по его делам»³¹. Важность этого текста заключается в том, что он не только отражает мессианские ожидания евреев II в. н. э., но также проливает свет на сходства и различия между раввинским образом Мессии из рода Давида и образом, свойственным для различных еврейских групп в период со 100 года до н.э. по 100 год н. э.

Полемика с этими мессианскими представлениями отразилась в Евангелии, прежде всего в титуле «Сын Давидов». Это именование относится только к деятельности Иисуса среди народа Израиля. Происхождение Иисуса прослеживается от царя Давида (Мф 1:6). Благодаря этому Иисус приобщается к народу Авраама и устанавливает особые отношения с Израилем, которые поддерживаются во всем Евангелии от Матфея. Он — Царь—Спаситель, которого встречают толпы при входе в Иерусалим, а также дети в храме (Мф 21:9–15). Но он — не светский освободитель, а кроткий вестник Царства (Мф 21:5) и целитель от всех болезней. Сын Давидов превосходит надежду Израиля. При входе Иисуса в Иерусалим толпа говорит: «Это пророк Иисус из Назарета Галилейского» (Мф 21:11). В отличие от множества людей, сопровождавших Его, иерусалимляне не принимают Его как Сына Давидова (Мф 16:14). Чаще всего термин «Сын Давидов» фигурирует в историях с исцелением больных, особенно с исцелением слепых³². Возглас слепца из Иерихона восходит к преданиям, существовавшим до Матфея: «Господи, помилуй нас, сын Давидов!» (Мф 20:30–31). В Евангелии от Матфея речь идет о двух слепцах, а в другом месте Матфей описывает исцеление двух слепцов благодаря тому же возгласу (Мф 9:27–30). В Мф 12:22–23 повествуется об исцелении бесноватого, который был слеп и нем, и люди стали восклицать: «Не это ли Христос, сын Давидов?». Это провоцирует противостояние с фарисеями, которые подозревают Иисуса в том, что Он был одержим Вельзевулом (Мф 12:24).

31 *Hippolytus. The Refutation of All Heresies // Ante-Nicene Fathers. Vol. 5. Fathers of the Third Century. Grand Rapids: Christian Classics Ethereal Library, 2004. P. 251.*

32 *Καραβιδόπουλος Ι.* Введение в Новый Завет / пер. с греч. свящ. Максим Михайлов. М.: ПСТГУ, 2010. С. 130.

Ситуация противопоставляет слепоту фарисеев и веру тех, кто исповедует мессианское достоинство Иисуса³³. Встреча Иисуса с женщиной-хананеянкой, которая обращается к Нему как к сыну Давидову, является повествование об исцеляющем Мессии (Мф 15:21–28).

Именование «Сын Человеческий» использовалось уже в Евангелии от Марка. Ев. Матфей ставит акцент на будущем явлении Сына Человеческого и суде над миром, в то время как в Евангелии от Марка акцент делается на страданиях, смерти и воскресении Иисуса. Однако и в Евангелии от Матфея термин «Сын Человеческий» предстает также среди именовании, которые скорее указывают на умаление Спасителя. Он отпугивает законоучителя словами: «У лисиц есть норы, а у птиц небесных — гнезда; но Сыну Человеческому негде приклонить голову» (Мф 8:20). И все же на земле Он обладает властью прощать грехи (Мф 9:6) и является господином субботы (Мф 12:8)³⁴. Образ смиренного Сына Человеческого, Который должен только служить и отдавать вою жизнь (Мф. 20, 28), сочетается с образом Того, Кто уже на земле раскрывает Свою божественную власть. Сын Человеческий сеет доброе семя на ниве мира (Мф 13:37–38), но те, кто являются всего лишь сорняками, в конце концов будут уничтожены и наказаны (Мф 13:2–4)³⁵. Земная жизнь Сына Человеческого ориентирована на конечную жатву.

Ев. Матфей распространяет суд Сына Человеческого на Церковь, которая также будет подвергнута разделению на добрых и лукавых. Это становится ясно из описания суда над миром в Мф 25:31–46. Тем, кто взывает к чудесным деяниям и пророчествам, но не приносящим соответствующих плодов, Господь говорит: «Отойдите от Меня, злодеи» (Мф 7:21–23). Тот, на ком нет свадебного одеяния, будет выброшен во внешнюю тьму (Мф 22:11–13). В соответствии с предостережением, обращенным к обществу, нужно также видеть членов Церкви в нечестивом рабе (Мф 24:48–51) и в рабе, который зарыл свой талант (Мф 25:24–30)³⁶. Сын Человеческий, собирающий Своих избранных со всех сторон света (Мф 24:31), принимает в Царство Своего Отца только проверенных

33 *Luz U.* The Theology of the Gospel of Matthew. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 119.

34 *Филофей (Артюшин), иером.* Субботство Закона и милосердие Господина субботы (Мф. 12, 1–8): к вопросу о богословии «двух Заветов» в Евангелии от Матфея // Богословский вестник. 2017. № 26–27. Выпуск 3–4. С. 226.

35 *Sim D. C.* Apocalyptic Eschatology in the Gospel of Matthew. Cambridge: Society for New Testament Studies, 1996. P. 69.

36 *Покорны П., Геккель У.* Введение в Новый Завет / пер. с нем. М.: ББИ, 2012. С. 472.

и праведных (Мф 13:43). Этим Сын Человеческий приобретает особое значение для Своей общины, которую Он постоянно увещевает и сопровождает на пути в Царство Небесное. Во всех текстах о Сыне Человеческом усматривается значение Мессии для Церкви.

Сын Человеческий обретает космическое значение. Весь мир со всеми народами подчиняется власти Сына Человеческого. Церковный и вселенский аспекты объединены. Церковь, которая продвигается вперед на своем пути к язычникам, поддерживаемая присутствием Эммануила, приобретает вселенские масштабы. Послание Сына Человеческого к «заблудшим овцам дома Израилева» превзошло все ожидания и стало миссией для всех народов³⁷. Воскресший Сын Человеческий достигает цели Своего пути и, наконец, становится Судьей мира (Мф. 25, 31–33). Если мы посмотрим употребление термина «Сын Человеческий» в повествовании ап. Матфея, то увидим, что в нем содержится все, что характеризует Христа, Который действует на земле, Который проходит через страдания и позор, Который воскрес, вознесся и снова придет на суд. Это историко-теологический образ Иисуса Христа, ведущий из времени в вечность, тогда как титул «Сын Божий» — это исповедание Его непрерывной связи с Отцом. Но эти два титула тесно связаны (ср. Мф 26:63)³⁸. Тайна Сына Божьего может раскрыться только во встрече Иисуса с Его учениками и в противостоянии с Его противниками. Именование «Сын Человеческий» отражает драматизм истории Иисуса Христа на земле и прослеживает Его путь через крест и воскресение к совершенству во славе Отца, в которой Он снова придет как Судья мира.

Кульминацией всех христологических именовании является представление об Иисусе как о Сыне Божьем. Важнейшие тексты Евангелия от Марка о Крещении, Преображении, свидетельстве Христа о Себе перед судом и исповедании сотника во время смерти Христа приведены и у евангелиста Матфея. Только фраза «начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия» (Мк 1:1) не встречается в Евангелии от Матфея, потому что оно начинается с «документа» о происхождении Иисуса Христа³⁹. Но вскоре выясняется, что уже в этой предыстории ап. Матфей переходит к Богосыновству. Тот, кто рожден от Марии, зачат от Святого

37 *Paim H. T.* Иисус и победа Бога / пер. с англ. М.: ББИ, 2004. С. 230.

38 *Словарь Нового Завета. Т. 1: Иисус и Евангелия* / ред. Д. Грин, С. Макнайт, Г. Маршалл. М.: ББИ, 2010. С. 526.

39 *Grønbech-Dam M.* Jesus as the Son of 1–2 Samuel's David: An Intertextual Reading of the Gospel of Matthew. Leiden: Brill, 2023. P. 55.

Духа (Мф 1:20): он «С нами Бог» (Мф 1:23). Вскоре Богомладенцу поклоняются волхвы (Мф 2:11). Можно предположить, что именование «младенец» функционирует как параллель к термину «Сын», поскольку в ветхозаветной цитате об исполнении Мф 2:15 ап. Матфей упоминает «Сына Моего»⁴⁰.

История об искушении, в которой дьявол бросает Иисусу вызов в связи с Его Богосыновством (Мф 4:3–6): как Израиль был искушаем в пустыне, так и Представитель Израиля сопротивляется всем искушениям. В основной части провозглашения Царства Божия, которая достигает своего завершения в исповедании Петра в Кесарии Филипповой, предполагается божественное сыновство Иисуса. После изложения в Мф 1:1–4:16 заключительное замечание Нагорной проповеди о том, что Христос учил толпы как имеющий власть (Мф 7:29), следует рассматривать как указание на Его божественный авторитет. Восхождение на гору (Мф 5:1) напоминает нам о горе в Галилее, на которой Воскресший возвещает ученикам о Своей власти и внушает им, что они должны учить народы всему, что Он повелел им (Мф 28:18–19)⁴¹.

Статус Сына Божия, Который учит, возвещает и исцеляет, проясняется и углубляется ев. Матфеем. Ученики говорят «воистину, ты Сын Божий» после того, как видят хождение по водам и спасение Петра (Мф 14:33). Исповедание Петра интерпретируется как полное исповедание «Сына Бога живого» (Мф 16:16), как это понимает Церковь. Иисус, уже признанный демонами «Сыном Божьим» (Мф 8:29), стоит в непосредственной близости к Богу⁴². Уникальные отношения Сына с Богом Отцом находят выражение в славословии Христа (Мф 11:25–27). После того, как Иисус восхваляет Отца за то, что Тот скрыл все это от мудрых и разумных, но открыл это младенцам, Он говорит: «Все было передано мне моим Отцом; и никто не знает Сына, кроме Отца, и никто не знает Отца, кроме Сына, и никто не знает Отца, кроме Сына, и кому хочет Сын открыть». Это славословие, близкое к христологии Евангелия от Иоанна (Ин 10:14–15), содержит два важных утверждения о Сыне: Отец передал Ему все, и существует взаимное знание друг друга

40 Ibid. P. 56.

41 *Филофей (Артюшин), иерод.* Образ Мессии в Евангелии от Матфея: от нарративного анализа к нарративному богословию // Материалы международной конференции «Приходское служение и общинная жизнь». СПб.: Издательство Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии, 2015. С. 31.

42 *Михаил (Лузин), еп.* Толкование на Евангелие от Матфея. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2001. С. 154.

у Отца и Сына, которое позволяет Сыну передавать знание об Отце любому, кого изберет Сын⁴³.

Затем неслучайно следует призыв Спасителя, в котором Он приглашает слушателей взять на себя Его иго и принять Его учение («научитесь у Меня»), чтобы обрести покой для своих душ и истинное и непреходящее благополучие. Это описание Сына в свете литературы Премудрости (ср. Сир 24:19; 51:23–26) представляет собой расширенный взгляд на Сына Божия в Евангелии от Марка, в котором Иисус, безусловно, предстает в Своем величии и связи с Богом, но его образ как Посредника в откровении описан более кратко⁴⁴. Ответ Иисуса первосвященнику (Мф 26:63) сформулирован более сдержанно, чем у ап. Марка. Возможно, это связано с тем фактом, что Сыном Божиим Иисуса и так называют насмешники при кресте, говоря: «Спаси себя, если ты Сын Божий» (Мф. 27, 40). Это тот же вызов, что и вызов дьявола в пустыне. Прохожие снова насмехаются: «Он уповает на Бога; пусть Бог избавит Его теперь, если Он хочет» (ср. Пс 22:8), и это подтверждается: «Ибо он сказал: «Я Сын Божий» (Мф 27:43). Насмешники ухватились за вопрос первосвященника и хотят довести его до абсурда. Страдающий праведник пропускает насмешку мимо ушей и тем самым показывает, что Он — Сын Божий. Никто — ни первосвященник, ни насмешники под крестом — не могут разорвать Его связи с Богом⁴⁵. В Евангелии от Матфея последний крик Иисуса перед Его уходом — это второй крик после Его молитвы, в которой Он оплакивает то, что Бог оставил Его. Здесь более ясно, чем у ап. Марка, что уход Иисуса — это Его последний вздох, который сопровождается доверием к Богу. Это подтверждается особыми событиями, произошедшими после смерти Христа: разрывом завесы в храме, землетрясением, разломом скал и открытием гробниц, а также исповеданием сотника (Мф 27:51–54)⁴⁶. Знамения во время Распятия выходят за рамки описания у ап. Марка. Иисус находится на пути к тому, чтобы править миром и совершенствовать его. Это подтверждается великой заключительной сценой (Мф 28:16–20). Послание ко всем народам вовлекает Церковь в мировое событие. Благодаря крещению

43 Иванов А. В. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. СПб: Воскресение, 2002. С. 203.

44 Данн Дж. Д. Единство и многообразие в Новом Завете. Исследование природы первоначального христианства / Пер. с англ. Глеб Ястребов. М.: ББИ, 2009. С. 162.

45 Ианнуарий (Ивлиев), архим. Евангелие от Матфея. Богословско-экзегетический комментарий. Т. 2. М.: ББИ, 2021. С. 356.

46 Словарь Нового Завета. Т. 1: Иисус и Евангелия / ред. Д. Грин, С. Макнайт, Г. Маршалл. М.: ББИ, 2010. С. 245.

во имя Отца, Сына и Святого Духа их спасение становится явным. Оно включает в себя ниспослание Святого Духа. Сын реализует свою спасительную власть в христианском крещении.

Таким образом, Евангелие от Матфея представляет собой ответ на чаяния иудеохристиан. Ев. Матфей не просто излагал факты из жизни Иисуса Христа, но и стремился доказать, что Он сочетает в себе черты Сына Давидова, Сына Человеческого и Сына Божия. Первый термин был наиболее привычен для иудейских сочинений: он встречается в Ветхом Завете, в раввинистических текстах, в ветхозаветных псевдоэпиграфах. С этим именованием связано мессианское достоинство Иисуса. Титул «Сын Человеческий», помимо того, что Иисус именовал так Сам Себя, встречается в межзаветной литературе и представляет мессианскую фигуру со сверхчеловеческими способностями, которой будет доверен суд над миром. Наибольшей новизной обладает термин Сын Божий, тем более в христианском его понимании. Ап. Матфей объединяет все эти аспекты в портрете Иисуса Христа. С одной стороны, в Евангелии от Матфея встречается партикуляризм, который ограничивает служение Иисуса и его учеников Израилем. Наряду с этим, весь текст пронизан иудейским мировоззрением. Регулярно подчеркивается непреложность закона, необходимость праведности и исполнение мессианских пророчеств. С другой стороны, довольно резким контрастом по сравнению с написанным ранее Евангелием является универсализм этого Евангелия, его поразительное утверждение о передаче Царства новой общине и особенно резкие высказывания в адрес евреев. Мессия Евангелия от Матфея не просто является царем нового века, но и его законодателем. В данном Евангелии особенно подчеркивается Его забота о своей общине, о Церкви, которая должна заменить иерархию израильского священства. Баланс между личным общением с Богом и принадлежностью к общине, который мы наблюдаем в повествовании Евангелия от Матфея, был призван облегчить приход в христианство для иудеев, привыкших к институциональным формам религиозности.

Источники

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издательство Московской Патриархии, 2020.

Hippolytus. The Refutation of All Heresies // Ante-Nicene Fathers. Vol. 5. Fathers of the Third Century. Grand Rapids: Christian Classics Ethereal Library, 2004.

- Koren Talmud Bavli, Noe Edition. Volume 30. Sandhedrin. Part 2 // ed. A. Steinsaltz; J. Schreier. Jerusalem: Koren Publishers, 2017.
- Смирнов А., *свящ.* Книга Еноха: Историко-критическое исследование. Казань, 1888.
- Тексты Кумрана. Т. 1 / Пер. с древнееврейского и арамейского и комм. Амусина И. Д. М.: Наука, 1971.
- Тексты Кумрана. Т. 2 / Введение, перевод с древнеевр. и араб. и комм. Газова-Гинзберга А. М., Елизаровой М. М. и Старковой К. Б. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996.

Литература

- Данн Дж. Д. Единство и многообразие в Новом Завете. Исследование природы первоначального христианства / Пер. с англ. Глеб Ястребов. М.: ББИ, 2009.
- Зубер-Яникум Н. Е. От Кумрана до Новозаветного Канона. Основные этапы формирования мессианско-эсхатологического культа учителя праведности. СПб.: Алетейя, 2004.
- Ианнуарий (Ивлиев), архим. Евангелие от Матфея. Богословско-экзегетический комментарий. М.: ББИ, 2021.
- Иванов А. В. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. СПб: Воскресение, 2002.
- Каравидопулос И. Введение в Новый Завет / пер. с греч. свящ. Максим Михайлов. М.: ПСТГУ, 2010.
- Михаил (Лузин), еп. Толкование на Евангелие от Матфея. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2001.
- Покорны П., Геккель У. Введение в Новый Завет / пер. с нем. М.: ББИ, 2012.
- Райт Н. Т. Иисус и победа Бога / пер. с англ. М.: ББИ, 2004. 688 с.
- Словарь Нового Завета. Т. 1: Иисус и Евангелия / ред. Д. Грин, С. Макнайт, Г. Маршалл. М.: ББИ, 2010.
- Филофей (Артюшин), иерод. Образ Мессии в Евангелии от Матфея: от нарративного анализа к нарративному богословию // Материалы международной конференции «Приходское служение и общинная жизнь». СПб.: Издательство Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии, 2015. С. 28–34.
- Филофей (Артюшин), иером. Субботство Закона и милосердие Господина субботы (Мф. 12, 1–8): к вопросу о богословии «двух Заветов» в Евангелии от Матфея // Богословский вестник. 2017. № 26–27. Выпуск 3–4. С. 223–279.
- Boccaccini G., Stuckenbruck L. T. Enoch and the Synoptic Gospels: Reminiscences, Allusions, Intertextuality. Atlanta: SBL Press, 2016.
- Gartner B. The Temple and the Community in Qumran and the New Testament: A Comparative Study in the Temple Symbolism of the Qumran Texts and the New Testament. Cambridge: Cambridge University Press, 1965.
- Grønbech-Dam M. Jesus as the Son of 1–2 Samuel's David: An Intertextual Reading of the Gospel of Matthew. Leiden: Brill, 2023.

- Hogeterp A. L.* Expectations of the End: A Comparative Traditio-Historical Study of Eschatological, Apocalyptic and Messianic Ideas in the Dead Sea Scrolls and the New Testament. Leiden: Brill, 2009.
- Knibb M. A.* Essays on the Book of Enoch and Other Early Jewish Texts. Leiden: Brill, 2008.
- Luz U.* The Theology of the Gospel of Matthew. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Mowinckel S.* He That Cometh: The Messiah Concept in the Old Testament and Later Judaism. Grand Rapids: Eerdmans, 2005.
- Shanks H.* Understanding the Dead Sea Scrolls. New York: Random House, 1992.
- Sim D. C.* Apocalyptic Eschatology in the Gospel of Matthew. Cambridge: Society for New Testament Studies, 1996.
- Willett T. W.* Eschatology in the Theodicies of 2 Baruch and 4 Ezra. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1989.